МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ» (Минск, 29 января 2013 г.)

Весной 2012 г. среди множества информационных сообщений о проведении разного рода и уровня представительства научных форумов несколько сотрудников исторического факультета БГУ (профессора В. Н. Сидорцов и О. А. Яновский, доценты С. Л. Луговцова и В. В. Сергеенкова, старший преподаватель А. А. Приборович) обратили внимание на проект Германского исторического института в Москве о проведении конференции с неординарным названием — «Писать биографии» — и отправили в оргкомитет тезисы своих возможных выступлений. Однако, к сожалению, ни одни из них не были приняты, хотя, казалось бы, в полной мере соответствовали «духу и букве» конференции.

После этого кафедра истории России и кафедра источниковедения БГУ 29 января 2013 г. провели собственный круглый стол по проблемам персональной истории. Редакционная коллегия «Российских и славянских исследований» посчитала необходимым опубликовать лучшие материалы круглого стола, так как в них очевидно прослеживается новая составляющая в научной работе историков исторического факультета БГУ — изучение исторического прошлого с активным использованием материалов личностно-биографического характера, возрождение в Беларуси традиций просопографии, «истории через личность», «интеллектуальной истории», выход на методологические обобщения в контексте данных направлений.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАК ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ

Биографическая история рассматривается нами в рамках идентификации личности в истории: «Кто Я?», «Познай себя через другого» [1]. Познай себя через личность в прошлом и в настоящем — как субъекта, так и объекта истории, познай через отношение личности к окружающей ее действительности, через познание этой реальности. Все в истории и историографии проходит через личность. Она находится в центре нашего мироздания. Благодаря личности мы знаем и познаем социальную историю.

В изучении личности в истории мы исходим из следующих оснований:

- исторической синергетики, концентрирующей внимание на таких данных, как социум, его культурный уровень, в соответствии с которыми изложение истории строится не в обычной структуре (политика — экономика — социальные отношения — культура), а наоборот (социум — культура — экономика — политика);
- логистики (математической логики), методы которой, в частности логистическое распределение, позволяет, например, на основе динамики численности населения определить рубежи в смене режимов хаоса и порядка и тем самым уточнить периодизацию истории;
- относительно полной и всесторонней характеристики личности в истории, которую на данный момент можно получить путем корректного применения таких методов познания, как контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ.

В истории личности выделяются два направления. Они достаточно полно рассмотрены в «школе» известного московского историка Л. П. Репиной [2]. Рискнем обозначить и третье направление. Вот эти направления:

---

[1] *Шутова О. М.* Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX — начале XXI века. Минск : БГУ, 2008. 279 с.

[2] История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М. : Квадрига, 2010. 720 с.

1. История в лицах. Здесь представлены деятели, оставившие видный след в истории. Их идентификация производится по внешним признакам (результатам деятельности). Они составляют известную *биографическую историю.*

Историческая синергетика расширяет исследовательское поле действующих лиц в истории. Если марксист Г. В. Плеханов, вводя в число героев и выходцев из широких социальных слоев населения, детерминировал их действия внешними обстоятельствами (революционной ситуацией), то представители синергетики довольно свободны в толковании роли личности в истории. Ее мировидение содержит модель саморазвития человека в самоорганизующемся мире. Осознание им своей роли может привести к глубоким изменениям в той или иной сфере жизни социума, в том или ином его пространственном измерении.

2. История через личность. Явление, когда в исторический процесс вплетается личность, представляющая ее той или иной тип. Это так называемая *персональная история* — направление, выросшее из биографической истории.

Возможно, российский историк М. П. Погодин является символом одного из типов личности России XIX в. Не его ли деятельность стала одним из отправных моментов «золотого века» исторической науки, когда четко проявился ее вклад в обоснование значения и места идеологии в жизни общества, оценки состояния и развития международных отношений? Последнее нашло отражение в суждениях М. П. Погодина о политике «двойных стандартов», о независимой внешней политике России, о политическом и культурном панславизме [3].

3. Личность в истории. Рассматривается вклад личности в историческое развитие, причем взаимодействие человека и среды доводится до предела. Создается возможность познания времени личности и более глубокого проникновения в саму личность. Возникает соотнесение, по крайней мере, четырех лиц: личности в источнике, личности как автора источника, личности, ранее исследовавшей источник, и личности — современного исследователя. Проникая в глубину первой личности, мы познаем ее эпоху, а через это познание вновь выходим на личности, вплоть до нашего времени. Такая необходимость определяется одним из принципов исторического исследования — принципом ценности истории для нашего времени. Она выражается зачастую в игнорируемом историками, в частности белорусскими, требовании ВАК Республики Беларусь выдавать по результатам исследования практические рекомендации в социально-политической сфере. В нашем случае такие рекомендации могли бы касаться процесса формирования желаемой личности в окружающем нас современном мире.

Если в первом направлении биографической истории исследователи отталкиваются от фактографии, а во втором — от историко-типологического метода, то в третьем направлении они обращаются к ретроспективе. Взгляд в прошлое производится на основе научно-понятийного аппарата — профессионального языка историка. При этом основным средством познания выступает сравнительный (компаративный) метод. Его универсальность проявляется в том, что сравнение (выявление общего и отличительного) происходит как во времени, так и в пространстве. Примерами таких сравнений, представленных в виде тестов, которые построены на основе «мягкой» методики, могут быть следующие:

По времени. Ранжируйте по нисходящему тренду цепочку таких понятий, как «век», «стадия», «эпоха», «этап»: а) этап — век — стадия — эпоха; б) век — эпоха — стадия — этап; в) век — эпоха — этап — стадия; г) стадия — эпоха — век — этап.

В пространстве. Установите наиболее адекватное соотношение следующих понятий, имея в виду основной источник появления того или иного направления в историографии: а) сфера исследования — историческая информатика; б) методы — экологическая история; в) источники — психоистория; г) проблемы — гендерная история.

---

[3] *Сугако Н. А.* Общественно-политические взгляды М. П. Погодина / автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск : БГУ, 2010. 24 с.

Приходится констатировать, что в практике защиты диссертаций по «событийной» истории (фактографическому исследованию, которое явно превалирует в сравнении с теоретическим или аналитическим) имеет место постоянная методологическая путаница понятий, категорий, терминов, дефиниций. Тем не менее сравнительный метод так или иначе проводится в исследовании. Хуже обстоит вопрос с использованием теоретических понятий.

Попытка соискателей ученых степеней ввести собственные понятия (если бы только метафоры!) вызывает горькое разочарование. Только два примера: 1) защищается кандидатская диссертация на тему: «Становішча дзяцей і іх удзел у народнай барацьбе супраць акупантаў на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны». Соискатель отстаивает тезис о массовом характере этой борьбы, но приводимые в диссертации факты касаются не детей, а подростков. Ответ на вопрос, кого относят к категории детей в социальной истории, подменяется юридическим понятием; 2) защищается кандидатская диссертация на тему: «Палітычная паліцыя ў беларускіх губернях: стварэнне, структура, дзейнасць (1898 — сакавік 1917 г.». Соискателем фактически вводится понятие «политическая полиция». На замечание о том, что такое словосочетание неправомерно в качестве исторического понятия и возможно лишь в качестве метафоричного, руководитель соискателя ссылается на то, что в документах такое словосочетание встречается. В данном случае производится подмена понятий.

Несмотря на низкий теоретико-методологический уровень, такие диссертации «пробиваются» в число тех, авторы которых удостаивались искомых научных степеней. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что: 1) они добросовестно выполняли все задания своих руководителей и успешно проходили через методологические семинары; 2) их работы действительно носили затребованный информационно-познавательный характер; 3) в хаосе постмодерна вполне вероятным может быть появление личности, которая аккумулирует в себе современные черты профессионального историка. Такое довольно свободное обращение с понятийным аппаратом характерно для нашего времени — переломного периода в развитии исторической науки, растворившейся в историях как результате антропологического поворота в мировой историографии. Испытывая влияние происходящей интеграции наук, включив в свои анналы междисциплинарность, история пребывает в поисках своего нового облика.

Одновременно формируется и новое лицо историка. Он уже не может не считаться с возрастающими требованиями к ремеслу исследователя в области исторического знания. Это требование можно свести к одному знаменателю: мало просто объективности исследования, необходимы его точность и доказательность. Это может обеспечиваться знанием и отточенным применением методов, заимствованных из социологии, психологии и политологии.

В недавно вышедшей монографии «Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ» [4] отражена закономерность возрастания роли личности в истории и рассмотрено около 50 методов, посредством которых возможно раскрытие этой роли. В книге подчеркивается значимость именно указанных в ее заглавии методов в создании полноценных биографий исторических персон. Проблема заключается в том, что эти методы фактически не задействованы историками-биографами по причине трудоемкости их усвоения и применения. Создание модели их системного внедрения на платформе дистанционного обучения — реальный путь к решению проблемы. Только направляя современную методологию изучения личности (создания биографий) на сам субъект исследования, мы можем добиться желаемых успехов в постижении истории и ее творцов.

В. Н. Сидорцов, профессор кафедры источниковедения Белорусского государственного университета

[4] *Сидорцов В. Н., Приборович А. А.* Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ. Минск : Изд. центр БГУ, 2011. 199 с.

ЛИЧНОСТЬ В «КОРТЕЖЕ» ВЛАСТИ

Жанр исторической биографии позволяет помимо постижения перипетий личностных судеб получить достаточно системное восприятие, переходящее в научное осмысление извечно сложной взаимосвязи двух состояний бытия человека: его внутреннего «эго» и пребывания в социуме при непременном соприкосновении с властью. Особенное и общее почти всегда идут «в ногу», почти всегда биографии тех или иных людей пишутся не только с представлением жизненно-бытовых обстоятельств, внутренних переживаний и терзаний человека (поди разберись в этих «тонких материях»!), но именно в констатации общественно-политической составляющей в деятельности «героя». Тем самым расхожие выражения, так часто нами употребляемые с восхищением или же с горечью, — «Всякая душа да будет покорна высшим властям...», а проще — «Мы все под Богом и властью ходим!», — абсолютно прилагаемы и к данному виду исторического исследования. Сотни и многие тысячи архиизвестных и лишь слегка известных творцов истории контактировали с «власть предержащими», находились в самых различных отношениях с ней, изменяли в связи с этим свои взгляды и принципы, по-иному проходили свой жизненный путь.

И все-таки акцентированное определение всякого более или менее известного в истории человека как «продукта» такого рода опосредованных связей с властью, а иначе — представителя *«кортежа»* власти авторами считается моветоном. Однако лица, зафиксированные в анналах российской истории (древнерусской, собственно российской, советской), в той или иной мере и по различным направлениям, функциям всегда «обслуживали» верховную политическую власть и потому непосредственно или опосредовано находились в «*кортеже*» российской власти.

Слово «кортеж» в своей итальяно-французской этимологии означает просто «торжественное шествие», «выезд», «сопровождение». Как часто сегодня мы слышим и читаем в литературе и СМИ о том, что «кортеж императора (президента) направился...». В математической же науке этот термин взят для обозначения совокупности точек (или векторов) некоего пространства, упорядоченных совокупностей и их координат. В лингвистике, а более всего в междисциплинарных областях гуманитарных наук (в том числе и истории) сегодня все шире используются термины «кортеж», «кортежное содержание» для обозначения процесса взаимодействия, коммуникативных отношений, когда каждый из их участников (коммуникантов) имеет свой «кортеж». Под ним подразумеваются те, кто формировал и формирует его (коммуниканта) в целом (в сложной совокупности черт, характеристик и т. п.), как и некоторые особенности его мировоззрения, поведения. Изучение (и представление читателю) знаковых субъектов определенного исторического периода или в определенном сочетании, используя данный термин и предлагаемую расшифровку его дефиниции, на наш взгляд, позволяет лучше воспринимать сложную взаимосвязь между ними.

В нашем случае — связь между властителями и многочисленными представителями разных социальных групп. А также и то влияние, которое оказывалось на политическое поведение (как и на психику, умственный кругозор, бытовое поведение) тех, кто на протяжении той же российской истории (а в 2012 г. пышно и величаво отмечалось 1150-летие российской государственности) восседал на княжеских и императорских тронах Руси-России, в креслах партийных генсеков и президентов. Такой подход в полной мере применим и в отношении властных элит и их окружения (узкого и самого пространного), имея ввиду тех, кто так или иначе сопрягал свою жизнь и деятельность с властью, ее запросами, установками, идеологией. Сегодня данная связь хорошо ощущается во время церемоний, выполненных в державных традициях, награждения в Кремле «лучших людей России за заслуги перед Отечеством» Государственными премиями, когда президент и лауреаты представляют единое целое, хотя и разделенное функционально. Ярким олицетворением стали хотя бы инаугурации прези-

дентов РФ (В. В. Путина, затем Д. А. Медведева и снова В. В. Путина), когда в знаменитых царских и императорских залах, Георгиевском и Андреевском, Кремля собирались представители современного российского бомонда — от ближайшего президентского окружения, включая жен, до лиц, олицетворяющих собой то ли эстетские круги (Никита Михалков, Алла Пугачева), то ли бизнес-сообщество (Владимир Потанин, Алексей Мордашев), то ли как бы оппонентов власти (Григорий Явлинский, Андрей Богданов), равно как и научные круги, круги спортивные, чиновников разного калибра. Телекамеры раз за разом высвечивали для зрителя восторженно-смиренные выражения их лиц, и проникнутых исторической значимостью, и переполненных вопросами о судьбах не только своей великой родины, но и своей собственной судьбы в условиях очередного политического излома, переживаемого Россией. Смысловым акцентом данного великолепия были благословения, звучавшие из уст Патриархов (Алексий II, затем Кирилл) в домовой церкви московских великих князей и царей всея Руси — Благовещенском соборе Кремля. Нечто подобное ежегодно повторяется во время ставших традиционными обращений президента к российскому народу.

И инаугурации, и обращения, и различного рода «встречи с народом» особо выпукло отражают в наши дни представленное выше определение. «Кортеж» есть не то чтобы элита российского общества, но почти всякий представитель любой социальной страты. А если и элита, то в совершенно расширенном формате. Представить ее в неком однозначном количественном составе просто невозможно. Таких биографическо-личностных «нарезок» с определением места в «кортеже» может быть совершенно много по каждой исторической эпохе. Сотни поколений проживали свои жизни в непосредственной и опосредованной связи с властью, в той или иной степени были «заангажированы» властью.

Современные информационные технологии позволят сохранить в анналах всех, кто хоть каким-либо образом оказался в «кортеже». Это демонстрируют сегодня СМИ, которые взяли за правило предвозвещать или завершать то или иное сообщение о событиях государственной и общественной жизни краткими, но весьма информационными справками о «героях» этих событий, об их перемещениях по карьерной лестнице (даже не пренебрегая жесткими определениями типа «...скептический либерал и умеренный циник»). А тем более наполнение интернет-ресурсов (чего стоит только Энциклопедия мировых биографий или же наше обращение к порой весьма спорным, но многотысячным и оперативно-информационным биографиям-справкам Википедии), разного рода объемные биосправочники (типа из серии «Элита» — «Самые открытые люди», «Самые закрытые люди») с сотнями жизнеописаний и партийно-советских руководителей, и властной элиты «новой» России. Это и масса книг, конкретно повествующих о тех, кто напрямую сопровождал верховную власть («История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII — начала XX века», «Энциклопедия знаменитых россиян», «Великая Отечественная война: советские полководцы» и многие другие). Подобное массированное представление конкретных людей и в эпохе-времени, и через время-эпоху позволяет читателю получить подробнейшую информацию о ком угодно. Значительный объем схожего фактографического материала давно в практике издательского дела и научных штудий (например, можно сослаться на десятки только лишь биобиблиографических и просто биографических словарей, которые содержат в себе огромное количество имен и фамилий очень известных и малоизвестных людей и которые сами по себе давно стали предметом изучения и обобщения) [1]. Но только в последние годы сформировались целые направления исторических исследований в русле как бы позабытой просопографии. Так, на постсоветском научном пространстве образовались и плодотворно работают несколько сообществ интеллигентоведов, повсеместно продолжается углуб-

[1] *Кауфман И. М.* Русские биографические и биобиблиографические словари. М. : Государственное изд-во культурно-просветительской литературы, 1955. 751 с.

ленное изучение «интеллектуальной истории». Персонификация истории требует дальнейшей разработки научных подходов, принципов, методов изучения.

Предлагаемый подход и введение термина «кортеж» позволяет несколько с иной стороны, чем обычно, посмотреть на внутренний мир человека разного рода-звания, соединить побудительные начала, которые двигают человеком по жизни, в его деятельности — и в исторической ретросперспективе, и в современной данности, и в специфике профессии. Например, весьма любопытно и выпукло это можно наблюдать через анализ биографий деятелей российской культуры и науки. И прежде, и в особенности сейчас среди представителей культуры можно слышать мнение, что культура выступает некой доминантой для политики. Однако очевидно и то, что формула «диктатура культуры» хорошо усвоена властью, которая умело манипулирует ее носителями для удержания в надлежащих рамках самой этой «диктатуры». Власть в лице «самых-самых» ее представителей считает уместным подчеркнуть там, где это более всего надобно, свою принадлежность к среде носителей культуры. И для усиления эффекта своей «культурности» постоянно привлекает на высокие чиновные посты ярких представителей из среды науки, образования, культуры. По этому поводу русский философ Николай Бердяев пессимистично замечал, что «русская интеллигенция была такой, какой ее создала русская история, в ее психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции» [2]. Ему как бы возражает современный писатель Лев Аннинский, определяя главную миссию российской интеллигенции «облагораживать вечный русский бунт против власти» (не подтверждают ли данный смысловой контекст события 2012 г. на Болотной площади Москвы?). Тем более, когда в среде интеллигенции вновь крепнет убеждение, что «один хороший человек у престола власти может сделать больше, чем все революции» (пример в истории современной Чехии и даже всей Европы — творческий и политический феномен Вацлава Гавела!). В противовес этому звучит мнение, что «у нас вызывает настороженность близость к власти». Этот ряд мыслей-определений можно продолжать долго, если задаться целью внимательно изучить рассуждения многих современных интеллектуалов «на злобу современным политическим реалиям», которыми буквально пестрят современные СМИ. Во всяком случае мир объемно мыслящих, неравнодушных людей всегда был разным, но так или иначе они в большинстве своем, даже помимо своей воли, находились в «кортеже» власти: то ли по убеждению, то ли от безысходности бытия, то ли по принуждению, а то ли по давно установившимся объективным социальным скрепам. И последнее, как можно отметить, является определяющим фактором нашего нахождения в «кортеже».

В подобном ракурсе возможно и рассмотрение жизни и деятельности тех, от кого напрямую всегда зависели и власть, и общество, — финансовых воротил, предпринимателей-бизнесменов. Так, известно, что Россия всегда преуспевала своими толстосумами (выражаясь по старой русской традиции). Вот и сегодня можно наблюдать их и количественный (уже многие десятки тысяч), и качественный (капиталы некоторых просто зашкаливают в проводимых рейтингах) рост. И кто теперь олигарх, сказать сложно, ибо даже в самом правительстве, даже в мелких властных структурах миллионеров достаточно, а публичная деятельность непосредственных воротил огромных капиталов все более преподносится в виде благотворительности, меценатства, «закрытия брешей в экономике страны» и т. п. Однако от этого их следование в «кортеже» власти еще очевиднее.

Даже очевидные противники верховной власти попадают в ее «кортеж». Например, подобный подход дает определенно новое осмысление коллизий жизни представителя «властного кортежа» России рубежа XVIII—XIX вв. генерала Михала Сокольницкого — поляка по происхождению, активного участника восстания под руководством Тадеуша Костюшко, на-

[2] *Бердяев Н.* Духовный кризис интеллигенции. М. : Канон, 1998. С. 194.

чальника контрразведки Великой армии Наполеона. Убежденный враг России, он представил для французского императора план «о способах избавления Европы от влияния России...»[3]. Будучи убежденным врагом России, М. Сокольницкий находился в самом тесном «соприкосновении» с ее верховной властью: боролся с ней с оружием в руках, был заточен в Петропавловскую крепость, получил аудиенцию у Павла I, детально прописал план расчленения России на ряд марионеточных микрогосударств, был ранен при Бородино, отличился в «битве народов» под Лейпцигом в 1813 г. и др. Его ярая антироссийская убежденность была порождена не только происхождением и воспитанием, но и глубоким познанием российских реалий, в первую очередь — политических.

Вышеизложенные соображения и рассуждения можно было бы продолжить, например о единстве и противоречиях двух начал власти — светской и духовной, о государстве и Церкви. Для России этот сюжет, просмотренный через призму жизнеописаний некоторых церковнослужителей, весьма поучителен и любопытен. Однако в данном случае сделана попытка обозначить общий подход к осмыслению сущностных параметров в жизнедеятельности то ли смерда, то ли высокой сановной особы, то ли убежденного оппонента власти, то ли ее восторженного защитника. Власть всегда должна опираться на общество в многообразии его групп, сообществ, личностей. Она так или иначе, в разное время в различной степени, но отображает их интересы (ранее — диссидент, ярый оппонент и даже оппозиционер, а чуть произошел политический излом — уже член правительства, властитель в том или ином восприятии «широких масс»). А общество через конкретных носителей знаний, умений, навыков, талантов, креативности сопровождает власть.

Четко разделить людей, зафиксированных в истории России, по их функциональной принадлежности весьма сложно. Военный зачастую был ревностным служакой по гражданской линии и преуспевал в науках, ученый находил себе место среди чиновного люда, госчиновник был прекрасным литератором, оппозиционер становился ревностным защитником власти, а в умах ближнего окружения государей не раз вызревали ниспровергающие порывы и т. д. Однако именно в этом пересечении помыслов и действий как раз и отображается стабильность и шаткость как жизни индивидуума, так и власти любого уровня. Такое единство власти и ее «кортежа» — улица с двусторонним движением, но в одном направлении.

Материал подготовлен автором в процессе разработки научно-исследовательской темы «Формирование интеллектуальной среды белорусского общества и ее влияние на общественно-политические и модернизационные процессы XVI—XX столетий» в рамках Государственной программы «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (2011—2015 гг.).

О. А. Яновский, профессор кафедры истории России
Белорусского государственного университета

КОМПЬЮТЕРНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-БИОГРАФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ИСТОРИКА

Уникальным явлением человеческой истории считается изобретение письменности. Имеется в виду письменность как система абстрактного кодирования информации, позволяющая сохранять на долгие годы описание исторических событий и явлений. Как правило, посредством письма происходила передача «транскрипторов» общественной реальности. Ис-

---

[3] *Сокольницкий М.* «Исполнено по высочайшему повелению...» / сост., предисл., примеч. О. А. Яновского; пер. с фр. В. А. Яновского. Минск : БГУ, 2003. 151 с.

торики, являясь либо очевидцами эпохи, либо трансляторами знаний, выполняли важнейшую функцию сохранения человеческой памяти и истории, в которой переплеталось множество нарративов, содержащих ментально-образные представления социума об окружающем мире и социальные коды. Раскрытие исторического прошлого, безусловно, сложный творческий процесс, требующий как изучения источников, так и их создателей, аналитиков и интерпретаторов.

В российском научном пространстве возросла роль исторической науки. Из числа выдающихся историков Российской империи выделим ряд имен: Н. А. Полевой, М. П. Погодин, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др. Каждый из них представлял собой определенную веху в развитии исторической мысли. В этом отношении выделяется XIX в., когда формирование исторического факта представляло процедуру логико-выдвиженческой трактовки исторического события или явления, основанной на информации исторического источника и различных, порою крайне противоположных дискурсов. И все же это далеко не вся работа историка. На первый взгляд труд исследователя представляется как его профессиональная работа по накоплению, хранению и использованию информации, отражающей историческую эпоху. При таком взгляде, естественно, напрашивается сравнение историка с некой машиной по переработке данных вне зависимости от личных (субъективных) качеств переживаний собирателя информации. Но так ли это? Возникает проблема составления личностного портрета историка.

В призме биографического очерка, например о вышеназванных российских историках XIX в., мы сталкиваемся с традицией описания жизни личности в рамках констатации результатов ее деятельности (что сделал как историк). Все остальное, как правило, опускается, кажется не особенно важным. В данном случае выходом из подобной ситуации, по мнению автора, может стать изучение личности историка на основе использования естественного языка исследователя в контексте результатов его интерпретации истории. Какой может быть модель такого изучения?

Научные труды историка являются достаточно полноценным источником изучения личности их создателя. Разумеется, при учете психологической детерминации активности личности. С этой целью введем в характеристику научного текста историка обозначение продукта его сознательной амбивалентности. Имеется в виду, что деятельность формирует устойчивые качества личности, благодаря которым по одному-двум признакам в ее поведении, а иногда и по внешнему облику, мы можем определить профессию человека и наоборот[1]. Психика человека выступает как регулятор его действий. Эта регуляция осуществляется на различных уровнях психического отражения, в частности — при формировании текста (языка) личности (с дальнейшей репрезентацией на письме). Элементами текста выступают смысловые фреймы (завершенные логические единицы), в том числе цели, мотивы, потребности, эмоции, дефиниции физиологического состояния и др. Кроме того, теория психоаналитического анализа личности позволяет нам выделить в тексте бессознательный слой мотивации поведения историка.

Следовательно, потребность в качественном составлении портрета историка требует разработки модели скрытых значений текста, что достигается выделением ключевых (доминантных) единиц контекста. А затем необходима расшифровка регрессионных связей «весомых» понятий языка личности и осуществление психолого-лингвистической реконструкции внутреннего мира человека. Она, в свою очередь, требует применения таких наиболее эффективных методов анализа личности, как контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ. Объективная правомерность использования контент-анализа в различных со-

[1] *Рякитянский Н. М.* Теория и методология психологического портретирования личности политика: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.12. СПб., 2004. С. 185—186.

циальных исследованиях, в том числе исторических, вытекает из того, что текст документа, являющийся реальностью первого порядка, есть продукт человеческой деятельности. Он несет в себе следы влияния личных социальных и психологических факторов в виде индикаторов или референтов. Таким образом, целью контент-анализа является постижение наиболее глубокой внетекстовой реальности, на основе чего мы делаем адекватные выводы о реальности исторического события или явления как результата деятельности личности и социальных групп.

Всестороннее и объективное рассмотрение личности историка как выражения (отражения) системы социальных отношений выдвигает на первый план проблему психологического анализа личности, позволяющего представить как сознательную, так и бессознательную стороны личностного действия индивида. При этом исследование сознательных компонентов человеческой психики происходит посредством выделения основных черт психологического типа личности, которые отражены в характере, языке общения, манере поведения, а анализ бессознательных значений — посредством деконструкции бессознательных символов, выделенных в вербальных (текстовых) и невербальных (графических) продуктах человеческой деятельности.

Суть же дискурс-анализа заключается в том, чтобы, отталкиваясь от анализа языковой формы, обнаружить те ситуационные модели, которые отобраны и представлены говорящим в каждом отдельном случае и через которые происходит осмысление способов описания реальности говорящим, его идентификация с социальным окружением. Процедура дискурсивного анализа предполагает выделение смысловых блоков (концептов) и анализ их содержания, в частности категорий.

Наиболее подходящим и адекватным технологическим решением такой модели могут быть алгоритмы исторической информатики. При этом репрезентирующей формой исполнения модели следует считать компьютерные технологии, посредством которых открывается возможность свести воедино достаточно сложный и противоречивый процесс составления профессионально-биографического портрета историка, создать комплексную программу реализации задействованных методов. Нами предлагается модель компьютерной среды анализа текста исторического источника TextHistory. Это программа естественно-языкового анализа текста, связанная с обработкой информационного массива неструктурированных источников [2].

Анализ текста программной средой реализуется на трех уровнях: лингвистическом, постлингвистическом и металингвистическом. На лингвистическом уровне выполняется распознавание системой предложений, словосочетаний и слов текста. В технологическом отношении текст переводится в удобочитаемый формат с его дальнейшей обработкой. На постлингвистическом уровне текст анализируется морфологически, синтаксически и семантически. При выполнении морфологического анализа система позволяет выделить основные формы употребляемых слов, при этом удаляя слова с недостаточной информативной связью (слова-связки, обслуживающие слова). Она позволяет также составить словарь, характеризующий смысловой портрет текста. При выполнении синтаксического анализа выделяются из имеющегося смыслового слоя текста взаимосвязи между отдельными словами и частям предложения. Выполняя семантический анализ, система позволяет составить смысловую карту слов и словосочетаний, что предполагает дальнейшее представление иерархического графа связей ключевых концептов. В результате исследователь получает список ключевых слов, список

---

[2] *Приборович, А. А., Толкачев Н. В.* Компьютерная реализация среды контентного, психологического, дискурсивного анализа текста нарративного источника // Материалы XIII конф. ассоциации «История и компьютер», Москва, 21—23 сент. 2012 г.: инф. бюл. / Москов. гос. ун-т; Алтай. гос. ун-т / редкол.: Л.И. Бородкин [и др.]. М. : Барнаул : Азбука, 2012. № 38. С. 96—97.

ошибок, таблицу степени связности смысловых категорий текста. Результат работы оформляется в виде таблицы и графика [3].

На металингвистическом уровне, теоретическим базисом которого служат дискурс-анализ и психоанализ, система предоставляет исследователю KWIC-список используемых в тексте метафор, идиом, слов (звуков) шумового сопровождения, эмоционально насыщенных слов, слов с различной синонимической нагрузкой. В подобной системе предусмотрен психоаналитический анализ путем лемматизации ключевых слов текста к словарю бессознательных символов, а также к словарю психотипологического шкалирования. По результатам исследования пользователь может определить психологический тип личности (составить психологический портрет группы) с подробной интерпретацией ее особенностей, что позволяет раскрыть бессознательные мотивации действий личности.

Компьютерная модель системного анализа текста призвана помочь провести извлечение наиболее характерных единиц языка исследуемой личности, предоставляет возможность их дальнейшей интерпретации как посредством заданных алгоритмов обработки данных (статистических, лингвистических, психологических), так и на основе практического вмешательства исследователя. Например, при создании профессионального биографического портрета историка наибольший интерес представляет определение (извлечение) из текста научно-исторических фактов, произошедших в лоне судьбы историка. Если изучаемая личность творила свои труды на основе свидетельств, то важно также определить смысловой посыл, лишенный в представлении очевидца того или иного эпизода истории. Сохранившаяся информация в зависимости от уровня абстракции может совпадать с признанным значением слов в тексте, проецируемом социальными группами и являющимся частью их менталитета. Интересным для нашей компьютерной модели текста историка будет и возможность проследить трансформацию научных знаний историка, его языка (дискурса), а также составление тезауруса исторических понятий, применяемых историками в рассматриваемый нами период.

Используя тексты научных трудов историков, записи их выступлений, эпистолярные источники, а также нарративные жизнеописания очевидцев, мы способны воссоздать историческую реальность, в которой жила и творила исследуемая личность. Создание понятийно-категориального языкового поля историка позволит как изучить внутренний мир человека, исполнявшего роль историка, так и проследить трансформацию «идей» в темпоральном и пространственном смысле. Таким образом, традиционное нарративное описание биографий личностей может быть дополнено качественно новым механизмом получения информации об изучаемом персонаже. Это достигается обращением к текстовым источникам при инкапсуляции (программном выражении) результатов компьютерной модели составления биографического портрета личности профессионального историка.

Богатый внутренний мир личности неуловим в иллюстративно-описательном дискурсе историка. Для его полноценного изучения, несомненно, требуется привлечение методов из социологии (контент-анализа), психологии (психоанализа) и лингвистики (дискурс-анализа). Однако, чтобы они «заработали» в полной мере, необходимо программное воплощение алгоритма синтеза возможностей этих методов с естественным вмешательством исследователя в целях корректировки получаемых результатов на каждом из этапов работы нашего описания модели.

А. А. Приборович, преподаватель кафедры источниковедения Белорусского государственного университета

[3] *Пачковская С. В.* Формирование контента реферата при автоматическом реформировании научного текста: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.11. Улан-Удэ, 2010. 180 л.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СУДЬБАХ ДВУХ ЧЛЕНОВ ПИНСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА: А. ОЖЕШКО И В. ГОРНИЧ

Организация «Содружество польского народа» 1835—1838 гг. имела сеть тайных обществ на территории бывшей Речи Посполитой. Программа «Содружества» провозглашала свободу, равенство, братство, подчеркивала неразрывность борьбы за национальную независимость с ликвидацией феодальных пережитков и освобождением крестьян [1]. В Пинском уезде Минской губернии по подозрению в участии в заговоре было арестовано 15 человек. В центре нашего внимания — судьба двух членов Пинского демократического общества.

Первый из них — Антоний Ожешко, 38 лет, уроженец Гродненского уезда. Владел имением Пешков в Пинском уезде, занимал должность судьи Пинского межевого суда [2]. Участвовал в восстании 1830—1831 гг. в отряде Т. Пусловского, за что находился под следствием, однако сумел избежать серьезного наказания. Он помог скрыться от преследования властей двум участникам восстания — шляхтичам Гуляницкому и Юшкевичу [3]. Следственная комиссия также выяснила, что в 1834 г. А. Ожешко встречался с представителем польской эмиграции Коперницким. Этот уроженец Речицкого уезда Минской губернии, скрывавшийся под фамилией Сосновский, собирал среди местных помещиков средства для помощи эмигрантам. Антоний передал ему на эти цели 15 рублей [4]. Таким образом, еще до вступления в «Содружество» А. Ожешко зарекомендовал себя патриотом Речи Посполитой, готовым отстаивать свои взгляды реальными делами. В декабре 1835 г. в доме давнего друга И. Родзевича он познакомился с Ш. Конарским. Видимо, стороны быстро пришли к взаимопониманию, так как вскоре А. Ожешко стал активно участвовать в подготовительной работе по образованию демократического общества в уезде. Пинское общество было учреждено летом 1836 г., и он принял на себя обязанности секретаря. Антоний привлекал в общество новых членов, принимал их у себя дома, знакомил с организационными документами, участвовал в «денежных складках».

Виленская следственная комиссия оценила «заслуги» А. Ожешко в работе демократического общества, причислив его ко второму разряду государственных преступников, что означало лишение дворянских прав и ссылку в Сибирь на каторжные работы. Однако по решению императора приговор смягчили: арестанта лишили дворянских прав и 13 марта 1839 г. отправили в Сибирь, но не на каторжные работы, а на поселение [5]. Мягкость российских властей объясняется просто: А. Ожешко активно помогал следствию в разоблачении своих товарищей. По иронии судьбы его псевдонимом в обществе было имя Иуда. Подчеркнем, что, являясь секретарем общества, он на первом же допросе не только «принес совершенное раскаяние», раскрыл имена членов общества, способы тайной переписки в нем, но и «способствовал уликами своими доведению до сознания» членов «Содружества» из других уездов. Кстати, сам факт знакомства А. Ожешко с членами других тайных общества свидетельствует, что правила конспирации, так тщательно разработанные на бумаге, на практике не соблюдались ни самим Ш. Конарским, ни его ближайшими сподвижниками.

Кроме того, именно А. Ожешко выдал властям подпоручика Ингерманладского полка А. Кузьмина-Караваева, который во время своих дежурств в июне — начале июля 1838 г. обеспечивал заключенным по «делу Конарского» контакты между собой. Речь шла о подго-

[1] Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей: в 3 т. / подбор и ред. текстов, вступит. статьи и прим. И. С. Миллера и И. С. Назаренко. М. : Соцэкгиз, 1956. Т. 2. С. 412.

[2] Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе (далее — ЛГИА). Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3. Л. 353.

[3] Там же. Д. 17. Л. 21.

[4] Там же. Л. 21—22.

[5] Там же. Л. 6—7.

товке побега. Но замысел не получил развития. Донос А. Ожешко привел к новым арестам, на этот раз среди офицеров виленского гарнизона [6].

Весной 1839 г. А. Ожешко был сослан в Томскую губернию на поселение. Через два года, весной 1841 г., родственники осмелились ходатайствовать о его возвращении на родину [7]. 3 мая 1841 г. военное министерство, в ведении которого находились политические преступники, сообщило генерал-губернатору Минской, Гродненской и Ковенской губерний Ф. Я. Мирковичу, что А. Ожешко было высочайше разрешено перейти на свободное местожительство в Сибири [8]. Он прожил в Томске до амнистии Александра II. На родине его дождались сыновья Леопольд и Франц, дочь Камилла [9].

По-своему особенна и одновременно схожа личность Вернера Горнича — 35 лет, судьи Пинского межевого суда, из дворян того же уезда, унаследовавшего имение Бобров [10]. В протоколах комиссии неоднократно отмечено, что В. Горнич в ходе следствия проявил крайнее «упорство в сознании», несмотря на то, что против него свидетельствовали Терлецкий, Ожешко и сам Конарский [11]. Терлецкий показал, что в 1836 г. в его пинскую квартиру приехали Конарский с Родзевичем, в то время как там уже находились В. Горнич и Л. Корсак. Шимон Конарский стал рассуждать о патриотизме и когда заметил, что тронул присутствующих своею проповедью, то «вынул из кармана наскоро бумагу и велел повторять за собою присягу». Тогда же Конарский рассказал основные правила общества: «обходиться ласково с крестьянами, знакомить их с идеями равенства» [12]. Ожешко свидетельствовал, что однажды в квартире Терлецкого встретил В. Горнича, которого Конарский с Родзевичем рекомендовали как члена общества, называли братом, а Вернер передал в кассу организации 6 рублей [13]. И наконец, Конарский признался, что в присутствии В. Горнича и Корсака рассуждал о необходимости «образовывать себя, ибо через образование можно полезнее быть Отечеству, чем через оружие, и что надо обходиться с крестьянами, как с братьями» [14]. Из этих показаний ясно, что В. Горнич являлся ведомым, а не ведущим участником тайного общества в Пинском уезде. Он знал других членов общества, однако не давал против них показаний.

Приговоры подследственным были вынесены в феврале — марте 1839 г. В. Горнич был приговорены к ссылке в отдаленную губернию России, но осужденный остался в Вильно, так как метался «в горячке» [15]. Сохранилось достаточно свидетельств участников событий, чтобы утверждать, что заключенных жестоко избивали, выворачивали суставы рук, сажали в карцер, оказывали психологическое давление. Возможно, и В. Горнич не выдержал давления следователей. Вместе с тем можно предположить, что за время содержания под арестом, особенно под влиянием болезни, изменилось его психическое состояние. Во всяком случае дальнейшие поступки В. Горнича подтверждают это предположение: подследственный стал давать показания 11 декабря 1839 г. Прежнее упорство сменилось признанием не только своей «преступной» деятельности, но и свидетельствами против других подследственных, находившихся с ним в заключении. В частности, в результате его показаний были ужесточены условия пребывания в Вятской губернии Я. Еленского [16].

---

[6] ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 17. Л. 22.
[7] Там же. Ф. 378 (Виленского генерал-губернатора). Политический отдел. Оп. 130. Д. 145. Л. 49.
[8] Там же. Л. 57 об.
[9] *Баравы В. Р., Чарняўская Л. Л.* Ажэшкі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 1: А — Беліца / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1993. С. 66—67.
[10] ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3. Л. 354.
[11] Там же. Д. 17. Л. 32—34.
[12] Там же. Л. 32 об.
[13] Там же. Л. 33.
[14] Там же. Л. 34.
[15] Там же. Ф. 378 (Виленского генерал-губернатора). Политический отдел. Оп. 130. Д. 145. Л. 39.
[16] Там же. Л. 3.

Основываясь на словах доверчивого сокамерника Ю. Валицкого, 29 декабря 1839 г. В. Горнич подробно раскрыл членам Виленской комиссии, каким образом студентам Дерптского университета удалось многое скрыть о составе и деятельности созданного в университете тайного общества, несмотря на то что организатор общества Карл Гильдебрант был арестован. После чего Вернер «находит дальнейшее свое совместное содержание с Валицким бесполезным» и просит сделать его соседом «другого товарища» из бывших дерптских студентов. Новым сокамерником Вернера стал А. Здродовский, также немало рассказавший о деятельности тайного общества [17], что привело к новым обыскам и допросам среди дерптских студентов. В январе 1840 г. В. Горнич оговорил сначала своего лечащего врача Эйземблятера в подготовке вооруженного нападения на конвой с целью освобождения приговоренного к каторжным работам Е. Брынка. Потом — помещицу А. Снядецкую, имевшую «сильное нерасположение к господину военному губернатору». Наконец, в феврале 1840 г. В. Горнич заявил, что знает некую тайну, которую может объявить только лично государю императору. Несмотря на то, что дежурный офицер сообщил генерал-губернатору о том, что в характере Горнича «обнаруживается вообще особенная мнительность, недоверие и подозрительность», узника все же отправили в Петербург [18]. Однако встреча с императором не состоялась. В столице арестант покончил с собой, «сознавшись перед смертью в очернительстве» [19].

Таким образом, участники Пинского демократического общества, являвшегося составной частью «Содружества польского народа», А. Ожешко и В. Горнич остались в истории общества как «сотрудничавшие со следствием» [20]. Но сколь разными оказались мотивы этого сотрудничества и их судьбы. Изучение «истории через личность» позволило глубже понять взаимоотношения шляхты и российской власти в Беларуси в 30-е гг. XIX в.

С. Л. Луговцова, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета

БЕЛОРУССКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ БИОГРАФИИ РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛА МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА ЧЕРНЯЕВА

Древний дворянский род Черняевых вел свое начало из вечевого Новгорода. В середине XVII в. его представители встречаются при дворе московского царя. В царствование Екатерины II после присоединения белорусских земель к Российской империи Никита Исаевич Черняев, дед М. Г. Черняева, переселился в Беларусь, в Могилевскую губернию, где приобрел две деревни: Рачча и Тубышки. Он был начальником таможни в г. Толочине. Его земной путь завершился на погосте д. Тубышки. Сыновья Н. И. Черняева (Александр, Ипполит, Василий, Петр, Григорий) готовились к военной службе. Они окончили шляхетский кадетский корпус в Шклове, участвовали в различных военных действиях. Григорий, будущий отец Михаила Григорьевича, тоже поступил в кадетский корпус в Шклове, но оканчивал его уже в Гродно, куда военное учебное заведение перевели в 1799 г. Он участвовал в сражениях, что вели войска антифранцузской коалиции в 1805 г., в российско-турецкой войне 1806—

---

[17] ЛГИА. Ф. 378 (Виленского генерал-губернатора). Политический отдел. Оп. 130. Д. 145. Л. 5—9, 17—19.

[18] Там же. Л. 39—41, 56, 59.

[19] Там же. Л. 234.

[20] *Баравы В. Р., Чарняўская Л.* Л. Ажэшкі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 1. А — Беліца / рэдкал.: М. В. Біч і інш. Мінск : БелЭн, 1993. С. 66.

1812 гг., войне против вторгшейся в пределы России Великой армии Наполеона (1812 г.), заграничном походе российской армии 1813—1814 гг. В течение двух месяцев Г. Н. Черняев занимал должность военного губернатора г. Люневиля в Лотарингии. Там он женился на 18-летней француженке, дочери бывшего мэра этого города. У них родилось 18 детей, из которых 9 достигли преклонного возраста, а остальные умерли в младенчестве[1].

С 1820 г. отец М. Г. Черняева, уйдя в отставку, некоторое время жил в д. Тубышки, а с 1824 г. служил в Измаиле и Бендерах. В Бендерах родился сын Михаил, слабенький и болезненный мальчик. В дореволюционных и советских энциклопедиях годом рождения Михаила Григорьевича считается 1828 г. Однако его дочь в своих мемуарах приводит текст свидетельства о рождении отца, из которого следует, что тот родился в 1827 г.[2]

После очередной отставки с военной службы Г. Н. Черняев поселился со своей семьей в Тубышках. Там он построил небольшой каменный православный храм Святителя Николая. До 1861 г. в собственности помещика Г. Н. Черняева в имении было более 200 душ крестьян и 1500 десятин земли. Его девятилетний сын Михаил проводил время в тесном общении с отцом: ходил с ним на охоту, катался на плоту по реке, ездил верхом и пр. Одновременно он проявил большой интерес к книгам, особенно историческим. Мать Михаила Григорьевича до конца своей жизни так и не научилась хорошо говорить по-русски, хотя в ее внешнем виде и поведении абсолютно проявлялись характерные черты русской помещицы. Благодаря ей дети свободно объяснялись на французском языке.

В 1835 г. Г. Н. Черняев снова поступил на службу сначала в Измаил, затем был переведен в Киев. В Киеве Михаил поступил в гимназию, а затем до третьего класса учился в Могилеве — в связи с очередным уходом в отставку отца, вернувшегося в Тубышки. Затем юношу отец отправил в Петербург для обучения и воспитания в Дворянском полку. Там Михаил отличался успехами в учебе, хотя был достаточно слабым и болезненным ребенком. Но благодаря жесткой системе закаливания и физических упражнений он значительно окреп и в последующем отличался выносливостью и здоровьем[3].

Через год после отъезда сына Михаила в Петербург Г. Н. Черняев навсегда покинул д. Тубышки. Он часто менял места службы из-за вспыльчивого нрава. Лишь в 1841 г., приняв место начальника порта и города Бердянска, он находился на этой должности 15 лет и отличился во время Крымской войны успешной организацией защиты порта Бердянска.

Михаил Григорьевич после воспитания в Дворянском полку окончил курс в Академии Генерального штаба и в июне 1853 г. был причислен к Генеральному штабу в чине штабс-капитана, а в августе послан в действующую против Турции армию в Придунайских княжествах. Там он участвовал в сражениях, приобрел первый воинский опыт. После этого молодого офицера перевели в Крым, где он участвовал в операциях Севастопольского гарнизона, в Инкерманском сражении. В Севастополе М. Г. Черняев находился при генерале С. А. Хрулёве, действуя восемь месяцев на Малаховом кургане, где получил легкую контузию. За отличие, храбрость и мужество он был награжден и произведен в подполковники[4].

После войны его назначили начальником штаба 3-й пехотной дивизии в царство Польское, но штабная деятельность не пришлась Михаилу Григорьевичу по вкусу. По прошению он был

---

[1] *Черняева А. М.* Летопись семьи Черняевых // Русский архив. 1909. Кн. 1. № 2. С. 175—185.

[2] Энциклопедический словарь / издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 76. С. 694; Энциклопедический словарь братьев Гранат. Т. 45. Ч. 3. М. : б. г. Стб. 807; Большая советская энциклопедия. Т. 29. М., 1978. С. 111; Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974. С. 874; *Черняева А. М.* Летопись семьи Черняевых // Русский архив. 1909. № 2. С. 193—194.

[3] *Черняева А. М.* Летопись семьи Черняевых. С. 197—200; *Черняев М. Г.* Наше военное воспитание // Русский Вестник. 1890. № 1.

[4] *Черняев М. Г.* Во время русско-турецкой войны. 1853—1856 гг. // Русский архив. 1906. № 3. С.456—457.

переведен в распоряжение оренбургского генерал-губернатора. В 1858 г. офицер командовал отрядом, посланным на помощь жителям Кунграда, восставшим против хивинского хана, а в 1859 г. был командирован на Кавказ, хотя вскоре опять вернулся в Оренбургский край — уже начальником штаба. Тогда перед Россией стояла задача соединить две укрепленные линии: оренбургскую и сибирскую. Для осуществления этого М. Г. Черняев был назначен командиром особого Западносибирского отряда. Небольшой отряд под его командованием занял крепость Аулие-Ата, затем в июле 1864 г. — Чимкент и двинулся к Ташкенту.

Продвижением российских войск в Среднюю Азию была серьезно обеспокоена Англия, которая стала оказывать давление на министра иностранных дел России А. М. Горчакова. В итоге из Петербурга последовало предписание воздержаться от активных действий до особого распоряжения. М. Г. Черняев позже вспоминал: «Я положил депешу в карман и овладел Ташкентом» [5]. Строптивый командир отряда решил действовать на свой страх и риск и ночью в июле 1865 г. штурмом взял Ташкент. Его солдатам (две тысячи человек при 12 орудиях) противостояло стотысячное население города, имевшее более 30 000 вооруженных защитников. М. Г. Черняев был назначен военным губернатором образованной Туркестанской области [6]. Он собирался предпринять необходимые меры против враждебных действий бухарского эмира, который требовал, чтобы русские оставили Ташкент, угрожая им священной войной. Военные победы упрочили за решительным генералом славу завоевателя Туркестана. О подвигах его войск сложились в Средней Азии легенды [7]. Военные успехи отряда М. Г. Черняева произвели большое впечатление в России и в Европе. В результате А. М. Горчаков, стремясь успокоить Англию, осудил действия российского генерала. В 1866 г. Михаил Григорьевич был отозван из Туркестанской области в Москву [8].

Здесь смелый и удачливый полководец, чтобы иметь определенное занятие и заработок для содержания семьи, вынужден был стать нотариусом, а в 1873 г. приобрел издававшуюся в Петербурге консервативную газету «Русский мир» и занялся журналистикой. М. Г. Черняев стоял на славянофильских позициях. Коллеги и не только оставили немало воспоминаний о Михаиле Григорьевиче, почти исключительно характеризуя его как деликатного и приветливого человека, который боялся обидеть кого-либо, особенно стоявшего ниже на социальной лестнице [9].

Весной 1875 г. началось национальное движение в Герцеговине и Боснии. Российское правительство пыталось дипломатическими средствами урегулировать разразившийся кризис. В обществе же росло сочувствие к борющимся народам Балкан. Эти события невольно вернули М. Г. Черняева к активной военной деятельности. Вначале стали распространяться слухи, что на Балканы готов отправиться отставной генерал М. Г. Черняев. Шеф жандармов П.А. Шувалов даже пригласил его к себе и взял с него подписку «о невыезде». Уже в феврале 1876 г. Михаил Григорьевич прибыл в Москву, где сразу стал своеобразным «знаменем» движения в защиту славян. Получив согласие сербского митрополита, он в апреле 1876 г. тайно выехал из Москвы в Сербию и в июне прибыл в Белград, став главнокомандующим сербской армией [10].

---

[5] *Мозер Г.* В странах Средней Азии. Путевые впечатления Генриха Мозера. 1882—1883 гг. // Русская старина. Т. 57. № 1. С. 148.

[6] *Черняева А. М.* Государь император Александр III и М. Г. Черняев // Исторический вестник. 1909. Т. 118. № 10. С. 152—157.

[7] *Мозер Г.* Указ соч. С. 148.

[8] *Черняева А. М.* Государь император Александр III и М. Г. Черняев. С. 154; *Черняева А. М.* Г. Черняев в Кишиневе // Исторический вестник. 1913. Т. 132. № 6. С. 910—917.

[9] *Стахеев Д. И.* Группы и портреты // Исторический вестник. 1907. Т. 107. № 2. С. 465—467.

[10] *Дурново Н.* К истории сербско-турецкой войны 1876 года // Исторический вестник. 1899. № 2. С. 531, 535.

Оценки деятельности М. Г. Черняева на этом посту противоречивые. В них больше негативного в адрес его штаба в Сербии, хотя сам генерал назывался «знаменем, около которого группировались русские добровольцы», «архистратигом славянской рати» [11]. Характерной особенностью абсолютно всех мемуаров того времени о М. Г. Черняеве является противопоставление его и сербской армии. Несмотря на неудачи в войне, личность самого генерала всегда оценивалась очень высоко.

После поражения сербской армии главнокомандующему оставалось только покинуть Белград и возвратиться на родину. Однако М. Г. Черняеву был запрещен обратный въезд в Россию, и он остался за границей. В декабре 1876 г. Михаил Григорьевич оказался в Праге. Популярность его была очень велика. Чехи даже хотели устроить в его честь большой банкет, однако австрийские власти были испуганы этим и сделали все, чтобы генерал в срочном порядке выехал из Праги и Австрии [12]. Ему пришлось около трех месяцев скитаться по Европе, посетить Китай и Японию. В Японии его принимало правительство как почетного гостя, а микадо прислал звезду ордена Восходящего Солнца [13].

После того как 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции, М. Г. Черняев был вызван в Кишинев, куда он приехал из Парижа (15 апреля 1877 г.) с надеждой попасть в действующую армию. В Кишиневе генерал был принят императором Александром, во время которой тот высказал ему упреки за участие в сербской войне. Однако уже 17 апреля М. Г. Черняев был восстановлен на военной службе, но его направили не на Балканы, а на Кавказ — ожидать возможной там вакансии. Таким образом, он был отстранен от участия в военных действиях против Турции.

После войны Михаил Григорьевич с семьей переехал в Москву. Российское общество приветствовало его приезд, ему даже было посвящено немало стихов [14]. Современники характеризовали его как неординарную личность: лицо «дышало благородством и спокойствием», «в нем не сквозило ни малейшей рисовки, ничего такого, что говорило бы о тщеславии, о самомнении, о нескромности», «наружность <...> была вовсе не из красивых», «простое лицо», «весьма выразительные черные глаза», «человек с большим характером, с непреклонною волей, настойчивый, требовательный, крутой и, пожалуй, упрямый» [15].

М. Г. Черняев поступил в распоряжение Генерального штаба, но никакой должности не получил. Только в мае 1882 г. по распоряжению Александра III он был назначен туркестанским генерал-губернатором. По дороге в Ташкент Михаил Григорьевич произнес в Самаре небольшую речь, рисующую его внутренний облик: «Меня встречают, чувствую, ласкают, но за что же? Если за взятие Ташкента, то Ташкент не принес еще пользы России <...>; если за Сербскую кампанию, то Сербский вопрос закончился Берлинским конгрессом. За что же меня ласкают? Мне думается за то, что я и думаю, и чувствую, и действую по-русски. Но мыслить, чувствовать и делать по-русски не значит ставить Китайскую стену между Россией и Европой. Это не исключает пользы сближения с иностранцами. Пускай иностранцы приходят к нам в Россию и зарабатывают себе хлеб на русской земле; но желательно, чтобы иностранцы на пороге России оставляли мысль о муштре и не думали учить нас» [16].

В Туркестанском генерал-губернаторстве М. Г. Черняев намеревался осуществить административные реформы, строительство Сибирской железной дороги. Однако этим планам не суждено было сбыться. Его появление в Средней Азии обеспокоило Англию, которая в это

---

[11] *Де-Воллан Г. А.* Очерки прошлого // Русская старина. 1916. Т. 165. № 4. С. 30.

[12] *Нагловский Д. С.* Кишиневское сидение // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 252.

[13] *Черняева А. М.* М. Г. Черняев в Кишиневе. С. 910—913.

[14] *Вучетич Н. Г.* Воспоминание о М. Г. Черняеве // Исторический вестник. 1913. № 4. С. 220—221; М. Г. Черняев в Москве // Русский архив. 1906. № 3. С. 486—487.

[15] *Вучетич Н. Г.* Воспоминание о М.Г. Черняеве // Исторический вестник. 1913. № 4. С. 214—221.

[16] *Черняева А. М.* Летопись семьи Черняевых. С. 207.

время спровоцировала конфликт на афганской границе. Бухарский эмир обратился за помощью к М. Г. Черняеву, который хотел выступить ему на помощь. В результате возникли серьезные разногласия с военным министром. Российская дипломатия постоянно опасалась военного столкновения с Англией в Средней Азии. В результате генерал-губернатор в 1884 г. был отозван из Туркестана. Приехав в Петербург, М. Г. Черняев имел аудиенцию у Александра III, которая завершилась его отстранением от должности. Из-за противоречий с Военным министерством в 1886 г. последовала отставка со службы. Уже в 1890 г. бывалый военный был назначен членом Военного совета, однако на его заседаниях Михаил Григорьевич так никогда и не был [17].

После своей отставки М. Г. Черняев занялся покупкой своего прежнего родового имения Тубышки, проданного после Крымской войны по поручению его отца. В 1887 г. ему удалось вновь приобрести Тубышки, где он жил до конца своих дней. Он добился восстановления в своем имении самостоятельного православного церковного прихода и постоянно с вниманием относился к нуждам храма: выписал из сербского монастыря Св. Романа иконостас походной церкви и утварь, подаренные и посланные генералу москвичами еще в 1876 г. Михаил Григорьевич построил каменную колокольню, для которой С. Т. Морозов пожертвовал прекрасные колокола, открыл за свой счет церковно-приходскую школу для более 70 учеников, собирался открыть и ремесленное училище [18]. В своем письме, написанном незадолго до смерти, он выразил свою последнюю волю: «быть похороненным без всяких знаков отличия на гробе и за гробом, умаляющих значение смерти» «или <...> близ Ташкента, где мною решена судьба Средней Азии, или в Тубышках возле церкви» [19]. 4 августа 1898 г. он скончался и был похоронен у стен храма в Тубышках, где покоились его дед, братья, родственники.

Таким образом, без преувеличения можно говорить о том, что Михаил Григорьевич Черняев — личность неординарная, бескорыстная, правдивая, честная, смелая. Он не умел и не хотел приспосабливаться к желаниям и понятиям правящих кругов, придворных разного рода и звания. Он был прям и упорен в своем поведении, даже если его своенравие разрушало карьерный рост. И даже несмотря на столь большие карьерные перепады он смог немало сделать для укрепления позиций России в сложной геополитической борьбе того времени. Благодаря М. Г. Черняеву стремительно была завоевана Туркестанская область, именно с его активных действий началось освобождение южных славян от турецкого ига. В судьбе М. Г. Черняева отразились важнейшие моменты истории России, в то же время личность самого генерала оказала влияние на определенные исторические события. Для составления биографического очерка о М. Г. Черняеве большое значение имеют сохранившиеся опубликованные письменные источники. К ним, прежде всего, следует отнести мемуарную литературу (в том числе воспоминания его дочери, дневник самого М. Г. Черняева), которые требуют очень серьезного анализа и сопоставления. «Писать биографию» Михаила Григорьевича Черняева — значит уточнять одни из самых сложных и противоречивых страниц российской и европейской истории. В том числе через историю рода Черняевых и биографию самого Михаила Григорьевича возможно привнести много нового в социально-экономическую, да и политическую историю неоднозначно трактуемого периода адаптации «новоприсоединенных» белорусских земель к устоям Российской империи.

В. В. Сергеенкова, доцент кафедры истории России
Белорусского государственного университета

[17] *Черняева А. М.* Государь император Александр III и М. Г. Черняев. С. 152, 154—157; *Бартенев П.* Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1909. Кн. II. № 6. С. 296—297.

[18] *Черняева А. М.* Летопись семьи Черняевых. С. 195—196.

[19] *Литвин С.* (*Эфрон*). Воспоминания о М. Г. Черняеве // Исторический вестник. 1898. Т. 73. № 9.